

The Soviet-Polish War in Perception of Russia Abroad

A. V. Uriadova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Scientific article

The article presents several major lines related to the perception of the Russian emigration of the Soviet-Polish war. It examines and analyses the various points of view that have developed in exile towards to the war. Three main positions were identified: neutrality (or uncertainty), patriotism and defeatism. The key-point to different perception was the attitude to national-state building, or rather, the acceptance (partial or full) or rejection of the self-determination of the limitrophs and territorial changes in the borders of future Russia. This study is not only about perception, but also its manifestation in specific actions of emigration (written protests, activism, the creation of military units). Special attention is paid to the perception of emigration of the truce and the Riga Peace Treaty, its conditions and possible future consequences for Russia and the Russian emigrants. It is noted that the attitude to these documents was not always correlated with the attitude to the war.

Key words: Russian emigration; Russia abroad; Soviet-Polish war; Russian history; history of Poland; Riga Peace Treaty

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Uriadova Anna V. | E-mail: koukouch@mail.ru
| Doctor of Sciences in History, Professor

Советско-польская война в восприятии русского зарубежья

А. В. Урядова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 9.35(32)

Научная статья

В статье представлены несколько основных сюжетов, связанных с восприятием русской эмиграцией советско-польской войны. Были проанализированы причины появления различных точек зрения, сложившихся в эмиграции по отношению к войне. Выявлено три основных позиции: нейтралитет (или неопределенность), патриотизм и пораженчество. Причиной расхождения взглядов на войну явилось отношение к национально-государственному строительству (полное или частичное приятие или неприятие самоопределения лимитрофов) и к территориальным изменениям границ будущей России. Отношение к советско-польской войне – это не только некая политико-идеологическая позиция, но и определенные действия в соответствии с ней (письменные протесты, активизм, создание военных формирований). Особое внимание в статье уделяется итогам войны и их последствиям для будущей России и русского зарубежья. Отмечается, что не всегда отношение к данным документам коррелировалось с отношением к войне.

Ключевые слова: русская эмиграция; русское зарубежье; советско-польская война; история России; история Польши; Рижский мирный договор

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Урядова Анна Владимировна | E-mail: koukouch@mail.ru
| Доктор исторических наук, профессор

В апреле 1920 г. посол во Франции В. А. Махлаков писал послу в США Б. А. Бехметеву, что польский вопрос – самый важный вопрос, по которому среди русских нет единодушия и в нем будет нужна «отчетливая, а не виляющая политика» [1, с. 200]. Действительно, в эмиграции не было общей точки зрения по данной проблеме. Можно выделить три основные позиции: неопределившиеся (занявшие нейтральную позицию), патриоты и пораженцы. В воспоминаниях подпоручика В. С. Гвоздева, участника Белого движения на юге России, четко зафиксированы подобные настроения: «Среди наших офицеров встречались и такие, кто откровенно радовался успехам

поляков, злорадствовал в адрес большевиков и их незадачливой армии. Иные молчали, не рискуя отдать симпатии ни той ни другой стороне. У большинства же офицеров заговорили национальные чувства. Они болезненно восприняли поражение России, радовались, когда Советам удалось остановить наступление, а Первой конной армии обратить поляков в бегство...» [2].

Эмигранты не были уверены в том, что важнее для них (и России) – победа или поражение Польши. Так, бывший министр иностранных дел С. Д. Сазонов, в то время состоявший на службе у А. Деникина, признавался, что у него сердце разрывается на ча-

© Урядова А. В., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/3.0/>)

сти при мысли: «желать ли потерь полякам или большевикам» [3]. Не всегда нейтралитет, который занимали те или иные деятели, был обусловлен неуверенностью: это был вопрос политический и стратегический. Так, Б. А. Бахметев рекомендовал П. Н. Врангелю остаться в советско-польском конфликте безучастным и нейтральным [1, с. 302]. Генерал не последовал совету.

Часть эмигрантов заняла патриотическую позицию, исходя из государственных (национальных) интересов России, посчитав, что в России на тот момент не было другой власти (кроме большевистской), которая отставала бы их, в том числе в польском вопросе. Подобная позиция была характерна для консерваторов [4, л. 18]. В. А. Маклакову она виделась следующим образом: «Сохранить Россию как государство для меня всего важнее, сохранить единство России и ее международное положение есть мой патриотический долг. Всякое вмешательство иностранцев в русские дела, отторжение от России известных ее частей и т. д., все это вещи, которые претят моему национальному чувству» [1, с.303].

События апреля–мая 1920 г. усилили тенденции к сплочению. В письме генерала А. А. Брусилова начальнику Всероссийского главного штаба Н. И. Раттелю [5] и его совместном воззвании с другими бывшими царскими генералами «К всем бывшим офицерам, где бы они ни находились» [6], он выступил с призывом отстоять Россию и не допустить ее расхищения. А. А. Брусилов так вспоминал о мотивах написания документов: «Я хотел что-нибудь предпринять, чтобы оградить Россию от Польши, вместе с тем возбудить в армии национальный дух, вернее, расшевелить национализм» [7, с. 270]. Он недоумевал, «как русские, белые генералы ведут свои войска заодно с поляками, как они не понимали, что поляки, завладев нашими западными губерниями, не отдадут их обратно без новой войны и кровопролития. Как они недопонимают, что большевизм пройдет, что это временная, тяжелая болезнь, наносная муть. А поляки, желающие устроить свое царство по-своему, не задумаются обкромсать наши границы. Я думал, что, пока большевики стерегут наши бывшие границы, пока Красная армия не пускает в бывшую Россию по-

ляков, мне с ними по пути. Они сгинут, а Россия останется. Я думал, что меня поймут там, на юге. Но нет, не поняли!..» [7, с. 270–271]. Однако в Белой армии и в эмиграции не все верили в искренность слов генералов, оставшихся в России, полагая, что их «купили» или вынудили написать данные документы.

Представители русского зарубежья собирали агентурные данные, поступавшие из России, анализировали их, приходили к заключению, что «успехи на польском фронте, создавая угрозу выхода Красной армии к границам Германии, Чехословакии, Венгрии, должны были по расчетам большевиков еще больше упрочить политическое положение Советской России и облегчить большевикам их агитационно-пропагандистскую деятельность в Западной Европе. И действительно, победы на польском фронте имели весьма крупное значение и своими дипломатическими успехами в Лондоне – большевики были обязаны больше Красной Армии, чем Каменеву и Красину» [8, л. 22–23].

Ряд эмигрантских газет и посол в США Б. А. Бахметев также отмечали определенную взаимосвязь развития советско-английских отношений с ситуацией на польском фронте. Последний полагал, что в тот момент любая внешняя война была выгодна большевикам, особенно в условиях, когда приходится защищать Россию как таковую, и, напротив, бездействие убийственно для большевиков, так как заставляет вернуться к внутренним проблемам. Применительно к Польше Европа должна была, по его мнению, гарантировать неприкосновенность границ с Запада: «Перемирие с большевиками должно обезопасить их от красных вторжений, а мудрая позиция Врангеля указывает пути для будущего» [1, с. 221]. В случае если большевики не согласятся на перемирие, – писал он, – им грозят военной помощью Польше. Бахметев скептически относился к этому, т. к. такая позиция являлась бы фактическим объявлением Западом войны России и только усилила бы общность национальных элементов с большевиками и привела бы Красную армию к новым победам [1, с. 221].

Наиболее выигрышной Бахметеву представлялась следующая позиция: «Мы всегда были и продолжаем быть против

переговоров с большевиками. Однако переговоры эти – факт, который мы бессильны изменить. С ним надо считаться и использовать в наивысшей мере. В случае если большевики пойдут на перемирие, я думаю, не следовало бы противиться тому, чтобы одним из пунктов соглашения явилась разграничительная черта на Юг» [1, с. 221]. В отличие от многих других деятелей эмиграции он опасался лишь одного, что большевики не пойдут на мир. Так и произошло в тот момент, когда были написаны эти строки, но дипломат не учел другого фактора – польского национального движения, которое, по сути, и изменило ситуацию.

Обсуждались эмиграцией и разногласия среди советских политических деятелей по вопросу войны и дальнейших внешнеполитических целей. «Правые (Г. В. Чичерин, А. В. Луначарский, Л. М. Карахан, М. Горький, Л. Б. Каменев, Л. Красин и др.) указывали, что разгром Польши, противоречащий лозунгу самоопределения народов, провозглашенному Советской властью, вызовет новые нападки и усилит агитацию против большевизма не только со стороны буржуазии и Европы, но и со стороны умеренных социалистов. В самой Польше Россия получит лишь новый ненадежный район: поляки в массе своей еще не изжили национального шовинизма. А. Луначарский предупреждал, что увлечение наступлением может привести к «серьезной интервенции и активной поддержке Южно-Русского правительства». Судя по всему, как указывалось далее в вышеупомянутых аналитических материалах, СНК это не принял во внимание и продолжил военные действия, ограничившись западными границами Польши, намереваясь не подталкивать революцию в Германии, а добиться дипломатических уступок со стороны Антанты, экономических связей с Европой, а может быть, и официального признания» [8, л. 23–24].

Интересен вывод В. А. Маклакова, относящийся к ноябрю 1920 г., касавшийся взаимоотношений с лимитрофами, в том числе с Польшей: «Словом, совершается как будто бы объединение прежней России большевистскими руками, что в некоторых политических слоях вызывает сочувствие

к большевизму» [1, с. 281–282]. И если здесь он «как будто» предполагает, то в декабре 1920 г. прямо пишет, что «в настоящее время национальная русская программа во внешней политике осуществляется именно большевиками» [1, с. 299].

Из источников видно, что не только эмигранты, но и белогвардейцы, находившиеся на территории России, сознавая, что победа Советов приведет к переброске Красной армии на Юг, нередко высказывали общность взглядов с противником – с большевиками. По мнению Е. Д. Борщукковой, «это дает основание утверждать, что в период Гражданской войны имели место случаи, когда над классовым противоборством, над классовой ненавистью возвышалось более сильное чувство – чувство любви к соотечественникам, чувство сопереживания с ними, что, по существу, представляет собой одну из сторон патриотизма» [9, с. 48]. Были и те, для кого в приоритете было поражение большевиков, в том числе с возможными уступками Польше, диапазон которых был широким: от культурной, языковой или даже административной «автономии» польских земель до признания независимости Польши.

Польский исследователь В. Станиславский пишет, что сторонниками независимости были главным образом кадеты. Они были готовы к территориальным изменениям и уменьшению российского государства в его границах, но предупреждали, что такого рода решения могут быть приняты лишь Учредительным собранием или другим представительством российского общества. Правда, оговаривается он, уступки эти не соответствовали польским чаяниям и ограничивались территорией бывшего Царства Польского. «Ни одна политическая группировка русской эмиграции (за исключением сторонников Б. Савинкова) не смирялась с потерей земель “Междуморья”, населенных “русскими племенами”...» [10].

Последние (савинковцы) не только отстаивали данную точку зрения, но и выступали за военное сотрудничество с Польшей, создание военных формирований для ее защиты (данный вопрос достаточно полно освещен в современной литературе [см., например, 11–14]). Важно отметить их наличие, по-

сколькx это не просто точка зрения на советско-польскую войну, а активная позиция, реализованная на практике.

Одним из сторонников поддержки Польши, идеологом движения савинковцев был Д. Философов. Он, как и Д. Мережковский с З. Гиппиус, эмигрировал в Варшаву, как свидетельствует очевидец Э. Войниллович, сознавая, что «Россия в одиночку восстать и возродиться не сможет». Э. Войниллович, ретранслируя его слова, писал: «Мы нуждаемся в новых варягах, и этими варягами должны быть поляки, они должны бить большевиков, победить Москву, Россию организовать и осуществить федерацию славянских народов. Если Польша не осуществит историческую миссию сейчас, никогда этот момент не повторится, и России придется упасть в объятия Германии, которая затем вместе с Россией раздавит и Польшу» [15, с. 305–306]. Киевская операция в апреле 1920 г. вызвала у всех троих большой энтузиазм. Д. Мережковский писал: «С польскими знаменами должно соединиться русское; русское войско с польским <...> Если есть начало русского войска в Польше, – хоть бы малое, то пусть оно не будет тайным. Пусть оно будет явным. И пусть благословит Польша русское знамя: за нашу и вашу свободу. Пусть скажет Польша русскому войску: на вашего и нашего врага – с Богом» [16].

Осенью 1920 г. Д. Мережковский в статье «Смысл войны» анализировал развитие событий и сложившуюся ситуацию. Главной ошибкой, по его мнению, был неясный политический, национальный и всемирный смысл войны – с кем Польша воюет: с большевиками или Россией – и предупреждал, что при заключении мира, надо избегать двусмысленности. «Если смысл войны ясен, то ответ прост. Большевики – враги России; мир с ними – с нею война; с нею мир – война с ними» [16].

Одним из представителей пораженчества был Б. Савинков. Как считал его польский соратник К. Вендзягольский, важно было «показать, что борьба молодой Польской республики с большевизмом – это борьба за судьбу и свободу Европы, а может быть, и демократии всего мира. Указание на оборонную войну давало Савинкову возможность говорить о проблеме русско-польского согласия как об историческом вопросе, чрезвычайно

важном и неотвратимом ввиду большевицкой агрессии» [17, с. 152].

Наиболее емко позицию пораженцев отражает «Программа Русского Политического Комитета в Варшаве». В ней указано, что политический смысл русской революции заключается не только в падении самодержавия, но и в утверждении принципа самоопределения народов во всей его полноте [18].

Большинство эмигрантов не принимали позиции «полонофильства» савинковцев. В. А. Маклаков отмечал: «... для нас нет худшего врага, чем большевизм, и мы против большевиков пойдём с кем угодно, не только с чертом, но и с Румынией, и поляками; дадим кому угодно независимость, потом все это образуется, но сейчас будем их бить всеми мерами, всеми способами, ничего не щадя...» [1, с. 302–303]. Особого изучения заслуживает отношение эмиграции к перемирию 12 октября и последовавшему за ним Рижскому мирному договору.

13 октября 1920 г. представитель Швейцарского отделения Русского общества Лиги наций, бывший российский посланник И. Н. Ефремов подал записку на имя IV Миланского конгресса унии с протестом против будущего подписания Рижского договора. Он писал, что русские люди никогда не признают законными международные соглашения, заключенные силами, захватившими Россию, которые удерживают ее только благодаря террору. Дело было не только в том, что договор подписан советской властью, не признаваемой эмигрантами: «Русская Ассамблея выражает в то же время сожаление, что Польша, член Лиги Наций, считается с властью, которая не принимается в обществе цивилизованных людей. Польша использовала эту ситуацию, чтобы присвоить себе земли, заселенные в основном русскими людьми» [19, л. 1–1 об.].

После окончания основных военных действий и подписания перемирия, но еще до заключения мирного договора в ноябре 1920 г. В. А. Маклаков высказывал мысль о возможности продолжения большевиками войны с Польшей, отмечая, что их шансы увеличились, допуская, что Советы могут выбрать Румынское направление для возврата в Бессарабию [1, с. 281–282].

Несмотря на то что после подписания перемирия В. Философов с восторгом отзывался о гении Ю. Пилсудского, предводителя нации и польского народа [20], тем не менее для него, Б. Савинкова, Д. Мережковского и З. Гиппиус мирные переговоры стали ударом, а сам документ – разочарованием. Они надеялись на полную победу Польши в войне, которая приведет к дальнейшей смене власти в России, и, как уже указывалось ранее, для них мир с большевиками означал войну с национальной Россией. По условиям договора они не могли продолжать свою активную антисоветскую деятельность в Польше и вынуждены были покинуть ее.

Меньшевики выступали за дипломатическое признание Советской России и не возражали против Рижского мира, несмотря на резкие обвинения со стороны других демократических групп, особенно кадетов, в том, то партия таким образом поддерживает политику расчленения России [21, с. 141–142].

Вопрос об отторжении иностранными державами отдельных частей российских земель рассматривался на Парижском совещании членов Учредительного собрания в 1921 г. Исполнительная комиссия уделила внимание критическому анализу советско-польского договора [22, с. 18–19]. На страницах печати представители русского зарубежья высказывали надежду, что на предстоящих международных конференциях будет отмечен временный характер установленных границ и они не будут закреплены юридически [23].

И. Н. Ефремов считал, что верить в искренность мирных намерений большевиков на переговорах нельзя, поскольку их цель – мировая революция: «Троцкий недаром сказал, что Польша должна быть не барьером, а мостом для движения коммунистической революции на Западе. Пропаганда эта настолько успешна, что по имеющимся сведениям польская армия действительно очень деморализована и оказывала слабое сопротивление Красной Армии» [24, л. 8] (оговоримся, что написано это было в самом конце июля 1920 г.). Возвращаясь к вопросу советско-польских отношений и рижского договора, он и позднее (в 1923 г.) на вопрос дипломатического представителя Чехии о наличии национального

и патриотического чувства у большевистских властей отвечал, что «Советы лишь играют на этом чувстве, пока это им выгодно, но предадут интересы России, как только видят в таком предательстве свою выгоду. Так было при заключении мира с Польшей» [24, л. 14–15].

По мнению большинства эмигрантов, признание территориальных границ по Рижскому договору было государственной изменой, в лучшем случае оно считалось следствием наивности и безответственности [25]. Вот что писал простой русский студент, учившийся в Познани: «Рижский мир мы восприняли как то, что нас оставили с носом» [цит. по: 26]. Как указывал В. Станиславский, «Рижский же договор был в глазах эмиграции как бы дважды неправомочным: во-первых, он закреплял переход земель, принадлежавших России, под власть иностранной державы (Польши); во-вторых, власти Польши подписали его с “узурпаторами”. Если подпись большевиков под договором рассматривалась как еще одна “государственная измена”, то Польше в этом политическом преступлении выпала роль соучастника, притом действовавшего умышленно, если принять во внимание укорененный среди русских миф о польском “Drang nach Osten”» [10]. Эмиграция выступала за пересмотр Рижского договора. Как считает вышеупомянутый автор, «радикальные круги эмиграции могли подорвать холодные, но приличные польско-советские отношения, поэтому намерения и действия такого рода рассматривались властями Польши как угрожающие польским государственным интересам». А поскольку «такого рода потенциально опасного “ревизионизма” (в отношении Рижского договора) и/или “радикализма” (в отношении СССР) придерживается подавляющее большинство “белых эмигрантов” в Польше, власти относились к ним в целом недоброжелательно». Они ограничивались в ряде прав и свобод (передвижения, создания политических партий). Отношение к ним влияло и на аполитичные массы, которым польское правительство не оказывало помощи, в отличие от большинства европейских стран. За русскими шел усиленный контроль и слежка [10].

Осознавала эмиграция и то, что подписание Рижского договора приведет к переброске сил красных и существенно ухудшит

положение белых. К тому же они полагали, что для Советов подписание и соблюдение договора – это две несвязанные вещи [см., например, 27]. Как временную меру и уловку со стороны большевиков рассматривал договор и В. А. Маклаков: «Долгое время нам казалось, что готовность большевиков подписывать какой угодно договор о расчленении России лишит их права говорить о национализме и патриотизме; <...> однако очень скоро оказалось, что все те договоры, которые большевики подписывают, их ни в чем не стесняют; все скоро поняли, что хотя это очень плохо характеризует их с моральной стороны, что в договорных отношениях с ними надежда на святость данного слова есть сущая ложь, но что если они проиграли со стороны моральной, то они столько же выиграли со стороны национальной и политической» [1, с. 302].

На временный характер договора и продолжение войны надеялась и правая русская оппозиция. В ее понимании нападение РСФСР на Польшу должно было вызвать реакцию Германии и тем неминуемо привести к военному вмешательству западных держав в российские дела. Такого развития событий

очень опасался Б. А. Бахметев. Он считал, что это стало бы концом национальной России на много десятилетий. Однако Кронштадтское восстание и народное движение в России в значительной степени подорвали возможность вооруженного нападения большевиков на Польшу, что избавило Европу и в конечном счете Россию от осложнений [1, с. 326–327].

Подводя итог, отметим, что в своем отношении к советско-польской войне русская эмиграция разделилась на несколько лагерей: патриотов, пораженцев и неопределившихся. Степень патриотизма и пораженчества также была разной. Выбор был связан прежде всего с позицией эмиграции и ее отношением к национально-территориальному вопросу будущей России и судьбе лимитрофов. Немаловажным фактором было отношение к большевикам, а точнее, к советской внешней политике. Но этот фактор влиял в меньшей степени, так как большинство русского зарубежья было уверено в недолговечности нового политического режима. Отношение к Рижскому договору не всегда напрямую коррелировалось с той позицией, которую эмигранты занимали в войне.

Ссылки

1. «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков: Переписка, 1919–1951: в 3 т. М.: РОССПЭН, 2001. Т. 1. 568 с.
2. Гвоздев В. С. Трудное начало (Воспоминания) // Белая армия. Белое дело. 2008. № 16. URL: <http://belarm.web.ur.ru/> (дата обращения: 07.09.1971).
3. Два генерала // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № I/XIV. С. 189–199.
4. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 5893. Оп.1. Д. 68.
5. Правда. 1920. 7 мая.
6. Правда. 1920. 30 мая.
7. Брусиллов А. А. Мои воспоминания. М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2004. 446 с.
8. ГАРФ. Ф. 6215. Оп. 1. Д. 7. Л. 22–23.
9. Борщук Е. Д. Патриотизм в понимании противников власти Советов: По материалам альманаха «Белая армия. Белое дело» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 89. С. 43–50.
10. Станиславский В. Жизнь на обочине. Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой // Новая Польша. 2006. № 7–8 (77). С. 91–96. URL: <http://a-pesni.org/grvojna/bel-emigr/a-ziznaob.php>
11. Алексеева Д. Ю. Б. В. Савинков и русские вооруженные формирования в Польше в 1920–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 251 с.

12. Симонова Т. М. Советская Россия (СССР) и Польша: русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925). 2-е изд. М.: Квадрига, 2013. 368 с.
13. Симонова Т. М. Белые формирования в Польше («отряд русских беженцев») в 1919–1921 гг. // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 39–57.
14. Симонова Т. М. Несостоявшиеся победы: русские формирования в Польше (1919–1924) // Россия XXI. 2012. № 2. С. 24–53.
15. Хжонц П. Несбывшиеся двадцать лет. Польские годы Дмитрия Философова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2016. № 6. С. 304–313.
16. Мережковский Д. С. Смысл войны // За год: сборник статей и материалов. Варшава, 1921. URL: <http://www.mochola.org/russiaabroad/smyslvoiny.htm>
17. Вендзягольский К. Савинков // Новый журнал. 1963. № 72. С. 168–197.
18. Программа Русского Политического Комитета в Варшаве. URL: http://www.mochola.org/russiaabroad/rpkpl_prog_2.htm
19. ГАРФ. Ф. 7436. Оп.1. Д. 5.
20. Свобода. 1920. 14 окт.
21. Волин С. Меншевизм в первые годы НЭПа // Меншевики после Октябрьской революции: сборник статей и воспоминаний. Benson, VT: Chalidze Publications, 1990 С. 103–174.
22. Кошкидько В. Г., Чубыкин И. В. Парижское совещание членов Учредительного собрания 1921 г. (на материалах Пражской коллекции ГАРФ) // Зарубежная Россия, 1917–1939 гг. СПб.: Лики России, 2000. С. 16–20.
23. Руль. 1921. 1 февр.
24. ГАРФ. Ф. 5760. Оп.1. Д. 50.
25. Воля России. 1925. № 1.
26. Станиславский В. Русская эмиграция в Варшаве // Новая Польша, 2002. № 5 (31). С. 17–22. URL: <http://a-pesni.org/grvojna/bel-emigr/a-wawa.php>
27. Бич. 1920. № 11.